

РЕСТАВРАЦИЯ КАК РЕВОЛЮЦИЯ

(*Я. Ю. Межеричский*. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с., 88 ч/б и 22 цв. ил.)

Поисками неуловимой, как мираж, сущности созданного императором Августом государственно-политического устройства и попытками непротиворечиво истолковать его своеобразие, столь же очевидное, сколько и трудноуязвимое, упорно занимается уже не одно поколение историков. В самые последние годы повышенный интерес к данному феномену стимулировала знаковая дата – 2000-летие со дня кончины Августа. Многочисленные концепции так или иначе строятся на постижении противоречивой «комбинаторики» полисно-республиканских и имперских элементов, «республиканизма» и «монархизма» и представлены как радикально односторонними вариантами, практически полностью элиминирующими либо гражданско-общинную, либо монархическую составляющую, так и разного рода синтетическими интерпретациями, полагающими во главу угла то или иное сочетание традиций Республики и разного рода державно-единовластных нововведений.

Капитальный труд Я. Ю. Межеричского, подводящий итоги многолетних исследований автора, вписывает важную страницу в изучение этой обширной многогранной темы. В монографии на основе критической оценки достижений современной исторической науки предлагается стереоскопическая характеристика Августова принципата как системы, выстроенной в ответ на глубокий кризис Римской республики и успешно справившейся с вызовами новых реалий благодаря прежде всего целенаправленным усилиям, незаурядным личным качествам и политической воле Октавиана Августа. Задуманная как расширенное и переработанное издание монографии, опубликованной в 1994 г.¹, рецензируемая книга далеко вышла за рамки этого замысла и представляет собой по сути новое исследование, в котором уточнены и углублены ранее высказанные идеи, но вместе с тем обоснована более целостная концепция истоков, путей формирования и механизмов функционирования принципата.

Суть этой концепции можно сформулировать следующим образом. В основе преобразований, осуществленных Августом, лежал созидательный замысел, оформленный как идеология и реализованный в конкретных политических действиях, замысел, который соответствовал интересам, настроениям и ожиданиям римского общества после столетия смут и гражданских войн. Август действительно восстановил «республику», но не в виде прежней сенатской олигархии, раздражаемой соперничеством фракций и военных вождей, а как новое смешанное государственное устройство, которое было синтезом римского политического опыта, римской же реставраторской идеологии и греческой политической теории. Эта «восстановленная республика», мыслящаяся как «достояние народа» и основанная на приоритете общинных ценностей и общих интересов *populus Romanus*, выразителем и защитником которых был принцепс, распространялась на коллектив римских граждан, прежде всего в самом Риме и в Италии; в провинциях же, которые изначально находились вне поля действия римской «конституции», осуществлялась по сути монархическая власть императора. При Августе начался процесс интеграции в единое целое двух таких разнородных образований, как «римский народ» и его «империя», в форме своеобразной монархии, но с сохранением традиций и институтов, унаследованных от гражданской общины. Римская государственность в эпоху принципата представляла собой диалектическое единство «восстановленной республики» и империи как державы. Выделение этого специфического двуединства является, пожалуй, наиболее существенным новшеством в концепции автора по сравнению с монографией 1994 г.

¹ Mezheritskiy 1994.

Круг исследуемых в монографии конкретных вопросов очень разнообразен, хотя и не является исчерпывающим. В поле зрения автора находятся главным образом те грани изучаемой государственно-политической конструкции, которые относятся к сфере идеологии и ментальности, высвечивают прежде всего «республиканизм» принципата, подтверждая, что *res publica restituta* отнюдь не была лишь звучным политическим лозунгом без реального позитивного содержания. Монография состоит из 10 больших глав и еще одной, являющейся заключением, а также приложения (хронология, список иллюстраций с пояснениями², словарь латинских терминов, именной и предметный указатели, библиография, краткие резюме на английском и немецком языках).

В главе I «Мифы и реалии Августова века» (с. 13–57) ставятся проблемы исследования, обосновываются его подходы и структура, оговаривается используемая терминология (в частности, такие понятия, как «республика» и «империя»³, «режим правления»), а также дается обзор источников от синхронных изучаемой эпохе до последующей античной традиции⁴. Свою основную задачу автор видит в том, чтобы «раскрыть замысел преобразований и определить сущность заново устроенного Римского государства» (с. 25), показав взаимодействие общины и империи, смешанной конституции и монархии, причем в самых разных областях жизни: от регулирования властных отношений до политики в области культуры.

В главе II «Интерпретации принципата и “восстановленной республики”» (с. 59–122) предложен критический анализ историографии с упором на современную августиану, в которой представлен широкий спектр конкурирующих подходов, а различные и даже противоположные выводы обусловлены, по мнению автора, в основном методологическими разночтениями. На основе такого анализа Я. Ю. Межеричкий, явно отдавая предпочтение тем исследованиям, которые акцентируют значение республиканских элементов в системе принципата, конкретизирует собственный подход к поискам его сущности, подчеркивая, что нельзя противопоставлять государственно-правовые и внеправовые факторы, а толкование «республиканской» составляющей в идеологии и политике принципата только как маскировки – недопустимое упрощение.

Глава III «“Римская республика”: безальтернативный кризис и конкуренция альтернатив» (с. 123–201) посвящена выяснению исторических истоков, характера и вариантов преодоления того кризиса, что охватил Римскую республику с конца II в. до н.э. В § 1 «Исторический феномен, историографический конструкт и миф» речь идет об обоснованности применения к Римской республике понятия «смешанная форма» государственного устройства. В § 2 «Утрата республики» и поиски альтернатив» сопоставляются главным образом оценки кризиса Республики и варианты выхода из него, представленные размышлениями Цицерона и политической практикой Цезаря, и делается вывод, что мысли этих двух великих римлян пересекались, а это означало, что соответствующие идеи об утрате и необходимости возрождения «республики» были не кабинетным изобретением, но реакцией на реальную злобу дня. Далее характеризуется отношение различных социальных групп и лидеров к идее «республики». Если в умах римских граждан Италии эта идея была жива, что в немалой степени повлияло на выстраивание Октавианом его политической линии, то Марка Антония можно рассматривать «как типичного политического деятеля эпохи кризиса идеологии античной гражданской общины, оказавшегося... под сильным влиянием эллинистического монархизма» (с. 180), а в его поведении обнаруживается «единение и борьба индивидуалистических амбиций и жизненных ценностей *civitas*»⁵ (с. 181). За бурными событиями конца 40–30-х годов I в. до н.э. автор усматривает конкуренцию трех моделей дальнейшего развития римской государственности: «республиканской», которая отталкивалась от установлений *civitas*, «царской», опиравшейся на предание о римских царях и некоторые традиции магистратского империя, и восточно-эллинистической, которая брала начало в опыте древневосточных деспотий, эллинистических монархий и в политической философии греков.

² Надо отметить очень хороший подбор и уместность иллюстративного материала, включающего и фотографии, сделанные автором.

³ В дальнейшем изложении мы следуем принятому автором написанию этих терминов с использованием кавычек, строчных и прописных букв.

⁴ Остановившись на этой традиции, автор никак не упоминает такого писателя, как Макробий, хотя на страницах его «Сатурналий» неоднократно появляется основатель принципата, представленный в целом ряде апофтегм и анекдотов, подчас очень ярко характеризующих его личность. В последующем изложении ссылки на него даются (с. 251, 328, 721 сл.), но в библиографическом списке не указаны ни издания, ни русский перевод его сочинения (Macrobii 2009; 2013).

⁵ Остается, однако, не очень понятно, какие именно ценности имеются в виду.

Разбор идей современников о гибели Республики, общественных чаяний и планов по выводу Римского государства из кризиса представлен в главе IV «Возвращение республики»: идеи, замысел, осуществление» (с. 203–294). Автор приходит к выводу, что по завершении жестоких гражданских войн, когда не осталось ни прежних вождей, ни партий, ни самой «республики», корпоративное самосознание гражданской общины продолжало сохраняться и воспроизводиться среди римских граждан, которые упорно держались за свое привилегированное положение и власть над провинциями и сплотились в патриотическом подъеме против восточной угрозы, доказав, что в Италии все еще находится военно-политический центр Средиземноморья.

Далее Я. Ю. Межеричкий обращается к размышлениям Цицерона об «устроителе / попечителе республики», доказывая, что цicerоновская концепция не была чистой утопией: ее реалистичность подтверждалась некоторыми реставрационными мерами Суллы, поступками самого оратора, отчасти мероприятиями Цезаря, а в наибольшей степени – примером Помпея Великого, который не только своими исключительными полномочиями, но и «республиканским» поведением предвосхитил некоторые черты режима, установленного Августом. Это сходство, однако, не было результатом сознательного подражания одного правителя другому⁶, но обуславливалось принадлежностью «к общему миру мыслей, переживаний, устремлений, которые можно определить как “республиканский менталитет”» (с. 212). Что касается Цезаря, то, по мысли автора, он считал нежизнеспособными как институты, так и ценности старой республиканской системы и делал ставку на создание личной клиентелы, тогда как Октавиан собственное почтительное отношение к традиции соединил с определенными политическими идеями и, не пренебрегая персональными связями, стремился реанимировать традиционные структуры.

Чтобы выяснить, какую именно «республику» хотел восстановить наследник Цезаря, автор исследует содержание понятия *res publica* у Цицерона⁷. Суть его понимания кратко выражена в названии § 4 «*Res publica* – достояние Римского народа». Говоря конкретнее, «как духовная реальность, производная от своего значения в системе представлений о мире, *res publica* могла восприниматься как субъект» (с. 224). Но в то же время римское государство имело личностно-коллективный характер, понятие *civitas* в основном совпадало с *populus Romanus*, который и был сувереном, субъектом государства, а его объектом, достоянием, атрибутом выступала «республика»; и такое глубинное содержание данного термина подразумевалось, когда речь шла о *res publica restituta*. Соответственно «республика» у Цицерона – это не государство вообще, но скорее сам принцип любого здорового сообщества, независимо от формы правления, хотя наилучшие возможности сохранить «общественное достояние» предоставляла смешанная форма, для учреждения которой была необходима незаурядная личность (*rector, curator, moderator rei publicae*).

Автор справедливо указывает, что «граница приемлемого лежала для него между “правильными” и “испорченными” формами, или, в римской интерпретации: между “республикой” и “не республикой”» (с. 242). «Утраченная республика» – это «испорченная форма» государственного устройства, т.е. тирания царя или толпы. В связи с этими идеями Цицерона ставится вопрос об их реализации при создании Августом нового государства и о соответствии его личности цicerоновскому идеалу. Если судить по реальным итогам деятельности Августа, то ответ представляется автору очевидным: Август был той харизматической фигурой с глобальным видением ситуации, незаурядным интеллектом и кругозором, которая смогла преобразовать государство если не в точном соответствии с концепцией Цицерона, то с использованием многих ее идей. Речь идет не столько о личных достоинствах самого Октавиана, сколько об исторических и теоретических основах нового государства, ибо замысел реформ и эффективность принимаемых решений напрямую зависели от интеллектуального потенциала создателя принципата.

В соответствии с такой постановкой вопроса читателю предлагается «Эскиз к интеллектуальному портрету правителя» (§ 7). Из совокупности проанализированных свидетельств вырисовывается довольно позитивный образ государственного деятеля, пусть и не гениально одаренного, но, без сомнения, выдающегося с точки зрения соответствия масштабам стоявших перед ним исторических задач. В нем сочетались интуиция и чуткость к общественным настроениям, понимание римских традиций, чувство меры и самодисциплина, сдержанность и такт, высокая образованность, хорошее знание политической теории своего времени и практическая подготовка; стиль поведения Августа соответствовал «республиканской» традиции. С юношеских лет он

⁶ См. интересные суждения на эту тему в работе: Vervaeet 2010.

⁷ В ссылах на литературу в данном разделе можно было бы адресовать читателей к сборнику: Kharkhordin 2009 – русскому переводу ряда важных терминологических исследований этого понятия (Р. Штарка, Г. Дрекслера, В. Заурбаума, П. Флури), которые известны автору рецензируемой монографии в оригинале.

усвоил дух италийских муниципиев, а со временем изучил и «кодекс чести» римской аристократии. С некоторыми из оценок автора, основанными скорее на зыбкой почве общих соображений, нежели на прямых свидетельствах источников, трудно согласиться, как, скажем, с мнением, что будущий принцепс своими базовыми «республиканскими» ориентациями был обязан матери и велитрийскому окружению, или с утверждением, что в образовании римских аристократов серьезное внимание, наряду с «практической философией», уделялись также политике (!) (с. 252). Основатель принципата, на наш взгляд, чрезмерно идеализирован, что, впрочем, не меняет итогового вывода: такое сложное сооружение, как принципат, не могло появиться стихийно, в результате случайных совпадений; Август не был оригинальным мыслителем и не избрал плана «восстановления республики», но «имел хороших наставников, был способен учиться, воспринимать новое и — реализовывать свои замыслы» (с. 265–266). Новая государственность создавалась благодаря содержательным планам и решениям, которые вобрали в себя многие идеи Цицерона⁸, включая идею о едва ли не мессианской роли выдающегося гражданина, его моральном превосходстве и сопричастности миру богов. Предпринимавшиеся Августом меры не могли в точности следовать советам Цицерона, но тем не менее они проложили путь к «восстановлению республики» в виде смешанного государственного устройства. Выбор идеи *res publica restituta* как основополагающей программной установки был безошибочен, каковы бы ни были прочие мотивы государственно-политической деятельности Августа.

В главе V Я. Ю. Межеричкий обращается к анализу теории и практики той смешанной конституции, которая определяла характер «восстановленной республики» (с. 295–388). Сначала разбирается содержание категорий «принцепс», «принципат» и «восстановленная республика» и подчеркивается, что понятие *principatus* означало особое положение Августа в обществе и государстве, но никак не институт; выражая идею первенствования одного из граждан на основе выдающихся личных качеств и заслуг, оно не противоречило сущности *res publica restituta*. Указывая, что замысел создания идеального государственного устройства имел своим источником греческую теорию, автор полагает, что эта сторона политики Августа была ориентирована на избранных и не афишировалась в пропаганде, рассчитанной на широкие массы. Вероятно, именно поэтому в имеющихся источниках сохранились только «едва проглядываемые отпечатки философских “грешков” основателя принципата» (с. 313), а о вкладе отдельных советников, учителей, друзей и самого Августа в разработку проекта наилучшего государства остается только догадываться. При этом автор довольно категорично заявляет, что Август «хотел вечной и незапятнанной славы, сравнимой со славой древних мудрецов-основателей государства» (с. 321). Попытки проникнуть в мысли и планы правителя, конечно, любопытны, но, основанные главным образом на интуиции исследователя, они выглядят отступлением от строго научного анализа, внося в изложение элемент беллетризации, не очень уместной в академическом исследовании.

В итоге после постепенной утраты значения народных собраний, сформировалась усеченная (двучленная) смешанная конституция, стержнем которой была концентрация властных полномочий в руках принцепса. Как происходило оформление этих полномочий и выработывались способы взаимодействия с институтами классической смешанной формы, показано при анализе событий после «отказа от власти» в 27 г. до н.э. и последующих шагов при урегулировании 23 и 19 гг. до н.э. Главная мысль автора состоит в том, что характер государственной власти менялся не с помощью добавления должностей или титулов, но в результате «перерождения постоянно обновлявшейся структуры власти на основе глубинных метаморфоз, происходивших в обществе» (с. 353). Но в чем именно заключались эти метаморфозы, остается не до конца понятно.

При этом укрепление монархической составляющей нового режима не вызывает у автора сомнений, хотя она отнюдь не превращала принципат в типичную монархию. Анализ «династической политики» позволяет обосновать вывод о том, что Август и его семья выполняли функцию центрального элемента «смешанной конституции» и опоры «республики», а «несовершенный механизм... отбора кандидатов среди потенциальных наследников был неотъемлемой частью идеологии “республиканизма”, как и всей политической системы Ранней Империи» (с. 366). Власть Августа нельзя сводить только к сумме официальных привилегий и должностей. В ее важнейших компонентах — *potestas*, *imperium* и *auctoritas* — явно преобладало монархическое начало, но не до такой степени, чтобы принцепс мог игнорировать сенат или римский народ. По своему внутреннему устройству государство было не диархией, монархией или республикой, но «новой смешанной формой».

⁸ Подробнее о влиянии цицероновских идей на Августову концепцию «восстановленной республики» см. Licandro 2015.

Предметом главы VI «Древние мифы для нового века» (с. 389–480) являются историко-мифологические, религиозные и морально-правовые компоненты идеологических основ нового государственно-политического порядка. Из краткого (и, на наш взгляд, довольно поверхностного) очерка так называемого «римского мифа» делается вывод, что мифологизированная история, являвшаяся органичной частью самосознания народа, стала отправным пунктом Августовых реформ, предполагавших возрождение «древних нравов». В религиозной же политике принцепса⁹ были важны не сами по себе нововведения, которые, взятые по отдельности, выглядели как естественное продолжение традиции, приведенной в соответствие с духом времени, но невиданный размах строительства и роскошь, с которой украшались ранее скромные святилища римских богов. Активность Августа на поприще религиозного обновления свидетельствует о серьезности питаемых им надежд на реальный результат, которые, по большому счету, оправдались. Квази-обожествление принцепса вписывалось в культы фамилии, городских кварталов и общин, и все его проявления с участием римских граждан не противоречили традиционным нормам.

Максималистское упрямство Августа в области брачного законодательства Я. Ю. Межеричкий, пытаясь проникнуть в логику принцепса, объясняет тем, что реставрация «республики» как станового хребта Римской державы не мыслилось без наличия доблестных граждан, а для этого требовалось восстановить структуру *civitas* и оздоровить моральный дух, прежде всего в политическом классе, поэтому брачное законодательство и борьба с роскошью стали органической частью политики «реставрации», как и меры, направленные против подкупов на выборах, законы о судопроизводстве, контроль над составом высших сословий и т.д. В целом же Август не был просто увлеченным поклонником старины, но осуществлял свои нововведения, опираясь на авторитет традиции, знание обычаев, глубокое понимание духа времени, общественных потребностей, образа мыслей своих современников и, как не очень удачно выражается автор, на «собственную приобщенность к менталитету, в течение многих поколений формировавшемуся и еще живому» (с. 466).

Главы VII «Самопрезентация нового режима: слово и образ» (с. 481–553) и VIII «Строительная политика и монументальная пропаганда» (с. 555–643) по сравнению с соответствующими разделами монографии 1994 г. добавляют мало нового к характеристике тех пропагандистских усилий, которые в беспрецедентных масштабах прилагал Август для легитимации новой власти и решения прочих политических задач. Отметим только обоснованное возражение против недавней попытки поставить под сомнение значение *auctoritas* в идеологическом обосновании Августова режима¹⁰. Некоторые же суждения, на наш взгляд, недостаточно аргументированы, например, мысль о том, что звание Отца отечества было не только почетным, но соответствовало реальным властным полномочиям Августа по отношению к римскому народу и его империи, а сам принцепс действительно ощущал себя не только *rector rei publicae*, но истинным *Pater patriae*, что проявилось, в частности, в его вмешательстве в семейно-брачную сферу. Говоря о мотивах создания «Деяний» Августа, автор считает, что правильнее рассматривать этот текст как своего рода манифест, в котором представлен ряд ключевых положений идеологии раннего принципата и который ориентировался в первую очередь на современников. Такая интерпретация имеет право на существование (тем более в контексте рассмотрения политической пропаганды), но отнюдь не исчерпывает всех интенций этого документа, в котором не в меньшей степени можно видеть и ориентацию на последующие поколения в качестве главного адресата¹¹. В анализе скульптурных портретов Августа автор предлагает свое понимание взаимосвязи трех изобразительных прототипов, выделяемых историками искусства. По его мнению, облик Августа, созданный в подражание Александру Великому, раскрывает мотивы династов, борющихся за власть в последние десятилетия Республики; второй тип, выражавший классический идеал калокагатии, соответствовал периоду, когда Октавиан начал реализовывать созидательный замысел, основанный на ценностях гражданской общины, учении греческих философов о государстве и эллинистической идее универсализма; третий же портретный тип с его приземленностью, видимо, отражает прагматизм, явившийся следствием накопленного опыта, пережитых разочарований и ударов судьбы. Созная условность такой схемы, Я. Ю. Межеричкий замечает: «Кто-то увидит всё иначе» (с. 541). Действительно, предложенная интерпретация выглядит довольно произвольной.

В главе VIII особо подчеркивается неразрывная связь строительной политики Августа с социальной (обеспечение более комфортных условий жизни для столичного населения,

⁹ Полезный очерк религиозной политики Августа с акцентом на ее реставрационном характере см. Licandro 2016.

¹⁰ Rowe 2013.

¹¹ См. наши соображения на этот счет: Makhलाईк 2017.

возможностей для занятости и развлечений), ее идеологическая выверенность, соответствие принципам «общего блага». Этот тезис иллюстрируется характеристикой важнейших архитектурных сооружений: мавзолея, Алтаря Мира¹², форума Августа, Палатинского дома принцепса и др. Анализ обстоятельств, цели создания и семантики этих архитектурных комплексов добавляет аргументы в пользу понимания «восстановленной республики» как противоречивого, но органичного сочетания «древних традиций» и «новых достижений». Но, при всей верности отдельных положений и критическом отношении к некоторым сомнительным гипотезам, в толковании того, как архитектурные памятники воспринимались современниками, автор, как кажется, попадает в порочный круг, связывая «невидимые изменения смысла отдельных символов и понятий» с «процессом переструктурирования общественной психики» (с. 611). Получается, что неуловимые изменения объясняются еще более расплывчатой, неосязаемой категорией.

Сюжеты, рассмотренные в главе IX «Метаморфозы идеи “республики” в век Империи» (с. 645–747), при некоторой их разнородности объединены общей проблемой: как современники воспринимали и оценивали установившийся новый строй? Понимая всю сложность данного вопроса, Я. Ю. Межерицкий отдельный параграф посвящает прояснению методологии исследования и конкретизирует задачу главы: необходимо, во-первых, найти в сфере самопрезентации режима такие акции и смыслы, которые однозначно интерпретируются благодаря историческому контексту и как инвариантные «индикаторы» могут быть использованы для дальнейших суждений о том, как римско-италийское общество воспринимало установившийся строй; во-вторых, следует установить наличие или отсутствие «республиканской» оппозиции режиму.

По первому вопросу ясного и методологически безупречного ответа мы, однако, не находим, так и оставаясь в неведении, о каких именно инвариантных индикаторах идет речь. В § 2 «Басилей и принцепсы» автор резонно возражает против выводов Ф. Миллара о монархическом характере власти Августа, опровергая тезис британского ученого о «революции в сознании» указанием на неправомочность экстраполировать восприятие принцепата на греческом Востоке, где власть эллинистических правителей была не внове, на римлян и жителей Западных провинций, поскольку их ментальность не была тождественна ментальности греческих подданных Империи, да и изменения в мировосприятии происходили отнюдь не синхронно. Говоря о понимании Августова принцепата Тацитом, Я. Ю. Межерицкий утверждает, что римский историк, разоблачая «обман» Августа, противоречит сам себе, потому что регулярно пользуется для обозначения римского государства того времени термином *res publica*, а стало быть, идея «республики» еще жила в общественном сознании, не в последнюю очередь потому, что избранная первым принцепсом модель правления включала «восстановление республики», которая, правда, оказалась на периферии Тацитовой концепции. Такой вывод представляется недостаточно обоснованным.

По вопросу о наличии «республиканской» оппозиции в правление Августа¹³ Я. Ю. Межерицкий высказывается более определенно, солидаризируясь с теми исследователями, которые не находят какого бы то ни было усиления «сопротивления» по мере монархизации режима, и приводит дополнительные аргументы в пользу вывода о том, что известные проявления недовольства при Августе не имели характера политического движения и, тем более, не были «республиканской» по своей идеологии оппозицией. Если не оппозицию, то, по крайней мере, попытки критически осмыслить августовский режим как разрыв с республиканской традицией автор пытается обнаружить в философской и поэтической литературе того времени. Согласно наблюдениям автора, если у Горация можно обнаружить охлаждение к Августу, разочарование и склонность к абсентеизму, то философия индивидуализма еще не приобрела узнаваемой политической окраски. В целом же поэзия Августа века подтверждает жизненность концепции «восстановленной республики», но и указывает на границы возможностей этой идеологии, обозначившиеся к концу правления Августа и связанные с растущим аполитизмом, который особенно ярко проявился в поэзии Овидия. Его и эпикурействующих аристократов если и можно считать оппозицией, то только аполитичной, пассивной.

Поиски следов интеллектуального противостояния режиму продолжены в § 6 «“Помпеянство” и его лики», в котором рассматривается историописание времен Августа, представленное такими

¹² Автор допускает существенную неточность, когда на с. 584 пишет: «Белоснежный алтарь, сиявший на южном солнце и украшенный многочисленными изображениями» (курсив мой. — А. М.). Все же, вероятнее всего, рельефы алтаря, как и большинство памятников греко-римской скульптуры, были ярко раскрашены.

¹³ Из новых работ по данной теме см. Rizza 2012; Hurllet 2014, а также не учтенное в монографии специальное исследование Rohr Vio 2000.

именами, как Азиний Поллион, Тит Лабие и Кассий Север. Тщательно проанализированные свидетельства об этих писателях и их сочинениях¹⁴ не дают веских оснований видеть в этих персонажах интеллектуалов-диссидентов, участников, а тем более идеологов оппозиции (хотя Север и Лабие и подверглись репрессиям). Приписываемое им помпеянство было некоей необузданностью духа, обусловленной скорее складом личности и социально-психологическими, а не политическими мотивами, и так осталось не более чем фрондерством. Иным было помпеянство Тита Ливия. Оно совсем не вписывалось в идеологию *res publica restituta*, но для Августа патриотический дух историка был важнее, чем отдельные напоминания о героях прежней Республики. Однако Август на заключительном этапе своего правления увидел опасность зарождения оппозиционной идеологии в форме «катонизма» и сумел ее предотвратить. Отсутствие серьезной оппозиции и терпимое отношение принцепса ко всем проявлениям помпеянства, по мысли автора, подтверждают искренность Августова «республиканизма». Это объясняется тремя причинами. Во-первых, нововведения не воспринимались как революция, «восстановленная республика» была принята общественным сознанием. Во-вторых, происходившие преобразования были постепенными, и их значение проявилось не сразу. В-третьих, изменения устраивали всех, кто выжил в гражданских войнах, и был достигнут конструктивный компромисс на основе согласия сословий. В итоге «огонь потенциальной оппозиции не нашел ни достаточного количества горючего материала, ни искры для возгорания» (с. 732).

Параграф «Метаморфозы общественного сознания и смена эпох» посвящен Веллея Патеркулу и Сенеке Младшему, которые отразили трансформации в восприятии нового строя. Среди суждений автора есть, однако, и такие, которые представляются явными натяжками. Так, по его мнению, Веллей хорошо усвоил официальную концепцию «восстановленной республики», но, переоценив свое положение, внес собственные комментарии, и это, возможно, его погубило: верноподданный историк стал одной из первых жертв политических преследований при Тиберии. Едва ли правомерно из молчания источников о судьбе историка делать такой вывод.

Глава X «Восстановление “республики”, основание Империи и формирование монархии» (749–800) представляется менее удачной по сравнению с остальными. В ней предпринята попытка уточнить ключевые понятия («восстановленная республика», «смешанная форма», «принципат», «империя» и др.) и определить место обозначаемых ими явлений в структуре новой государственности, представив цельную картину созданной Августом системы. По существу, в главе суммируются уже высказанные идеи и наблюдения. Интересный тезис выдвигается в § 2 «“Принципат Августа” как процесс»: на формировании нового строя сказалась длительность правления его основателя. При этом за все это время римская «конституция» не подвергалась существенному реформированию, но параллельно с естественной сменой поколений и изменением состава правящего класса глубинные метаморфозы происходили в общественном сознании, а вместе с этим менялись функции и содержание старых государственных институтов. Новая наилучшая форма государства отличалась от классической тем, что к трем традиционным элементам добавился четвертый, ставший ведущим, — параллельная властная структура, представленная принцепсом, чье особое положение в государстве фактически выводило его из правового поля. Получается, что принцепс воплощал монархический элемент смешанного устройства и в то же время представлял четвертый властный элемент, параллельный самому себе? Здесь автор противоречит своему высказанному выше тезису, согласно которому с постепенным упадком народных собраний сложилась двучленная смешанная конституция.

Оговаривая, что территории вне Италии не являются предметом его исследования, автор, по сути дела, только намечает основные линии взаимодействию «восстановленной республики» с провинциями и развивает свою ключевую идею о том, что римская держава включала две политические подсистемы: общину (квази-общину) римских граждан, живших в основном в Риме и Италии, и провинции («поместья римского народа») с примыкавшей периферией. Они функционировали по разным законам, но находились под единым контролем принцепса, который выступал в двух разных «имиджах» — первого гражданина и монарха, в первом случае опираясь на свою *auctoritas*, а во втором — на *imperium*. Принципиально иным становится подход к уже завоеванным территориям и народам: они начинают рассматриваться как неотъемлемая часть державы, и отношения с ними становятся частью внутренней политики. Это был «универсалистско-имперский» подход в отличие от прежнего «имперско-грабительского».

¹⁴ Совсем недавно фрагменты этих и других римских историков опубликованы в новом издании: Cornell 2013.

Как можно видеть из нашего обзора, собственно имперскому компоненту римской государственности и идеологии отведено факультативное место. Понятно, что сам выбор темы и проблематики исследования предполагает сосредоточенность на «республиканизме» принципата Августа. Однако концепция взаимодействия двух подсистем приобрела бы большую убедительность, если бы имперская составляющая была раскрыта, пусть и не так подробно, как «республиканская», но более углубленно и разносторонне, хотя бы с точки зрения соответствующих мероприятий Августа, относящихся к системе провинциального управления (с учетом важных различий между Востоком и Западом державы), военной организации, вопросу о предоставлении римского гражданства провинциалам, взаимоотношениям Рима с местными элитами. По большому счету, «восстановленная республика» оказывается оторванной от «тела Империи», их двуединство и взаимообусловленность, выражавшее суть «Римской революции», если рассматривать ее в масштабах всей державы, а не только как смену формы правления, остается до конца не выясненной. Совсем в тени оказывается и такая сторона римского республиканизма, как самоуправляемые муниципии и колонии, сохранявшие республиканские традиции на локальном уровне. Без освещения этих и других вопросов¹⁵ всё же трудно говорить о действительно многомерной картине принципата Августа, в создании которой автор видит свою цель. Это, очевидно, потребовало бы специального исследования многих конкретных проблем и увеличило бы и без того весьма солидный объем книги. Но изложение можно было бы сделать более компактным, устранив неоправданные повторы: они допустимы там, где, как указывает сам автор, мысли и факты освещаются под разными углами зрения, но в некоторых случаях являются скорее следствием недосмотра¹⁶.

Нужно указать и на менее значительные недочеты книги. При общем высококачественном полиграфическом исполнении она не лишена отдельных погрешностей технического свойства. Укажем только на некоторые из них, которые влияют на восприятие смысла и научную точность. Так, говоря о цензуре Катона Старшего, автор приводит ссылку на Плутархово жизнеописание Цензория и «Аттические ночи» Авла Геллия без указания конкретных мест этих источников (с. 396, прим. 10). При рассмотрении календаря из Кум дается ссылка на *Inscriptiones Italiae* XIII. fasc. 2 и *Corpus inscriptionum Latinarum* (с. 435, прим. 150), но в первом случае не указана конкретная надпись, а во втором дано неправильное обозначение: Bd. I2 (видимо, вместо I²). P. 205–339 (вместо P. 310, но лучше было сослаться на *CIL* X 8375 = *ILS* 108). А Chaniotis назван в одном месте Каниотисом (с. 443, прим. 187). Между страницами 607–608 выпала часть фразы (или фраз), что не позволяет точно понять текст. На с. 817 под иллюстрацией XI.1 ошибочно указано «Термы Каракаллы (нач. II в.н.э.)» вместо III в.н.э.

Монография написана добротным научным стилем и, несмотря на большой объем, в целом хорошо читается; мысль автора часто излагается образно, хотя не без некоторой беллетризации, что иногда сказывается на строгости и обоснованности характеристик и выводов.

Подводя же общий итог, следует сказать, что рецензируемый труд, несмотря на отмеченные противоречия, спорные суждения и методологические подходы, является обстоятельным исследованием комплекса сложных дискуссионных проблем, обобщает большой фактический материал, предлагает оригинальную концепцию, интересную и в целом, и в отдельных деталях. Главное, он хорошо показывает, как установка на реставрацию традиционных устоев обеспечила не только выход из глубокого политического кризиса, но и проведение революционных по своей сути преобразований. Не решая всех заявленных проблем в полной мере, монография открывает новые перспективы исследования, важные для понимания личности Августа и созданной им государственной системы.

¹⁵ Очень интересным, например, представляется вопрос об «экуменическом» языке (или риторике) римского господства над подвластными народами, включая, с одной стороны, наименование самих римлян *populus dominus*, а города Рима *urbs domina* или *civitas domina*, а с другой – разнообразную терминологию для обозначения подданных (*gentes, provinciales, socii* и т.д.). См. Lavan 2013, 73–123; 2016 (с источниками).

¹⁶ Например, на с. 148 одна и та же мысль повторена в двух смежных фразах (трактаты Цицерона помогают «увидеть контуры истинной подоплеку событий» – произведения Цицерона «открывают возможность для изучения не только событий, но также их подоплеку»). Изложенная на с. 285 мысль Ф. Миллара от том, что принципат Августа был менее республиканским, чем второй триумвират, повторяется в прим. 260 на с. 286. Аналогичный повтор присутствует на с. 409 и прим. 52. На с. 531 повторяется мнение С. Прайса о значении монументальной скульптуры как средства пропаганды, уже приводившееся на с. 489. Такого рода примеры можно умножить.

Литература / References

- Cornell, T.J. (ed.) 2013: *The Fragments of the Roman Historians*. 3 vols. Oxford.
- Hurler, F. 2014: L'aristocratie romaine face à la nouvelle « Res publica » d'Auguste (29–19 av. J.-C.). Entre réactions et négociations. In: *Lo spazio del non-allineamento a Roma tra Tarda Repubblica e Primo Principato. Forme e figure dell'opposizione politica*. Atti del convegno di studi, Milano 11–12 aprile 2013. Roma, 117–141.
- Lavan, M. 2013: *Slaves to Rome: Paradigms of Empire in Roman Culture*. Cambridge.
- Lavan, M. 2016: “Fathers of the Whole Human Race”. Ecumenical Language and the Limits of Elite Integration in the Early Roman Empire. In: M. Lavan, R.E. Payne, J. Weisweiler (eds). *Cosmopolitanism and Empire: Universal Rulers, Local Elites, and Cultural Integration in the Ancient Near east and Mediterranean*. Oxford, 153–168.
- Licandro, O. 2015: ‘*Restitutio rei publicae*’ tra teoria e prassi politica. Augusto e l’eredità di Cicerone. *Annali del seminario giuridico*. Università degli studi di Palermo. 58, 57–130.
- Licandro, O. 2016: La *pax deorum* e l’imperatore Augusto (che “iniziò a por reordine nell’ecumene”). In: I. Piro (ed.) *Scritti per Alessandro Corbino*. Vol. 4. Tricase (LE), 223–300.
- Macrobius 2009: *Saturnalia*. [Transl. from Latin and Ancient Greek, notes and dictionary by V.T. Zvirevich]. Ekaterinburg.
- Макробий. *Сатурналии*. Пер. с лат. и греч., прим. и словарь В.Т. Звиревича. Екатеринбург.
- Macrobius Theodosius 2013: *Saturnalia* [Transl. from Latin and Ancient Greek by V.T. Zvirevich; article by M.S. Petrova; notes and indexes by M.S. Petrova and V.T. Zvirevich]. Moscow.
- Макробий Феодосий. *Сатурналии*. Пер. с лат. и греч. В.Т. Звиревича; общ. ред., составление, вступит. статья М.С. Петровой; примечания и указатели М.С. Петровой, В.Т. Звиревича; приложения М.С. Петровой. М.
- Makhlaiuk, A.V. 2017 (forthcoming): “What the history will tell about us?..” On some aspects and motives of Octavian Augustus’ memorial politics. *Istoricheskiy vestnik [Historical Herald]*.
- Махлаюк, А.В. «Что скажет о нас история?..». О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа. *Исторический вестник* (в печати).
- Mezheritskiy, Ja. Yu. 1994: “*Respublikanskaya monarkhiya*”: *metamorfozy ideologii i politiki imperatora Augusta*. [The “*Republican Monarchy*”: the *Metamorphoses of Emperor Augustus’ Ideology and Policy*]. Moscow–Kaluga.
- Межерицкий, Я.Ю. 1994: «*Республиканская монархия*»: *метаморфозы идеологии и политики императора Августа*. Москва–Калуга.
- Kharkhordin, O.V. (ed.) 2009: *Res publica: The History of Concept*. Collected Works. Translated from German. Saint-Petersburg.
- Res publica: История понятия*. Сборник статей. Пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордина. СПб.
- Rizza, G. 2012: *Opposizione e dissenso nell’età augustea*. Pisa.
- Rohr Vio, F. 2000: *Le voci del dissenso. Ottaviano Augusto e i suoi oppositori*. Padova.
- Rowe, G. 2013: Reconsidering the *auctoritas* of Augustus. *Journal of Roman Studies* 103, 1–15.
- Vervaet, F.J. 2010: Arrogating despotic power through deceit. The Pompeian model for Augustan dissimulation. In: A.J. Turner, J.H. Kim (eds). *Private and public lies. The discours of despotism and deceit in the Graeco-Roman world*. Leiden, 133–166.

Alexander V. Makhlayuk,
N.I. Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Russia

makhl@imomi.unn.ru

A.B. Махлаюк,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего
мира и классических языков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Россия